

Валерий
Роньшин

ОТДАЙ СВОЕ СЕРДЦЕ!

Валерий Михайлович Роньшин

Отдай свое сердце!

Серия «Страшилки»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63994782
Отдай свое сердце! : АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-135005-5

Аннотация

В нашей книге «Отдай свое сердце!» страшно запутанная мистическая повесть известного детского писателя из Санкт-Петербурга В. Роньшина. Главный герой Генка влюбился в Риту Курочкину. На первом же свидании Рита признается, что она не совсем живая, а чтобы стать окончательно живой, ей нужно его сердце!.. С этого и начинается страшная детективная история. А заканчивается она тем, что Гене и его другу Максуду удастся спасти человечество от мрака и хаоса.

Для среднего школьного возраста.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

Содержание

Глава I. «Отдай свое сердце!»	9
Глава II. Девочка-видение	14
Глава III. Рита + Гена = love	19
Глава IV. «Шуточки» подсознания	25
Глава V. Собачье кладбище	32
Глава VI. «Жильцам дома № 44 срочно покинуть свои квартиры!»	38
Глава VII. Гроб на колесиках	44
Глава VIII. Первая учительница	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Валерий Роньшин

Отдай свое сердце!

© Роньшин В. М., 2021

© Ил. на обл., Лапшина Д. Ю., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Глава I. «Отдай свое сердце!»

Рита Курочкина влюбилась. И не в кого-нибудь, а – в директора школы. Имя у директора было прикольное – Агафон. А отчество еще прикольное – Евлампиевич. Но для влюбленной Риты это имя-отчество звучало как музыка: Агафо-о-он... Евла-а-ампиевич... И фамилия директора звучала для Риты музыкой: Купоро-о-сов.

Как только Курочкина влюбилась, так сразу же сочинила любовное стихотворение:

Я от вас балдею, тащусь и фонарею.
Как случилось это – сама не пойму.
Но сказать вам я никогда не посмею,
Что люблю я вас. Понимаете? Люблю!

Рите так понравился собственный стих, что она решила передать его директору. Но, конечно же, не из рук в руки. А тогда как?.. И Курочкина придумала – как: надо войти в кабинет директора, когда там никого не будет, и положить листок со стишком на стол.

Так Рита и сделала: юркнула в кабинет, положила листок и на крыльях любви выпорхнула в коридор. Весело запрыгала по ступенькам на первый этаж.

Спрыгнула с последней ступеньки и... ойкнула от нежиз-

данности. Потому что вместо коридора первого этажа увидела коридор второго этажа, откуда только что спустилась. Курочкина опять начала спускаться. Спустилась – и вновь очутилась на втором этаже. Будто никуда и не спускалась.

Сердце у Риты тревожно заколотилось – тук-тук-тук... Если б еще вокруг стоял шум и гам, как обычно во время переменок, тогда может, Курочкиной было бы не так страшно. Но занятия закончились и в школе стояла жуткая тишина.

Рита попыталась в третий раз спуститься со второго этажа на первый. На лестнице уже было темно. И вдруг Курочкиной почудилось, что в этой темноте кто-то притаился. У Риты от страха не только сердце застучало – тук-тук-тук, но еще и зубы заклацали – клац-клац-клац... А из темноты раздался квакающий смех: кхваа-кхваа-кхваа... Так могла бы смеяться лягушка, если б умела.

Курочкина – ноги в руки и бежать!.. Забежала в какой-то кабинет и увидела какого-то человека. Тощего как скелет. Пригляделась Рита – а это и вправду скелет!.. Нажимая костяшками пальцев клавиши на клавиатуре, скелет играл в компьютерную игру. По экрану монитора друг за дружкой гонялись маленькие скелетики.

Курочкина пулей вылетела в коридор. И услышала голос Купоросова. Ритины страхи сразу как ветром сдуло. Но тут до нее дошло, что Купоросов читает ее стихотворение.

– Я от вас балдею, тащусь и фонарею... – читал директор. – Интересно, кто написал эту чушь?

– Курочкина написала, – ответила Екатерина Васильевна Нестерова – учительница русского языка и литературы.

«Откуда она знает?» – поразилась Рита.

– Это какая Курочкина?

– Да из 7-го «б».

– А-а, – вспомнил Купоросов. – Такая мелкая, метр с кепкой...

Рита испытала самый настоящий шок. Она-то считала, что ее рост всего лишь чуть-чуть ниже среднего. А тут на тебе: «метр с кепкой...» И это сказал ее любимый Агафон Евлампиевич, которому Рита готова была отдать свое любящее сердце.

Курочкиной захотелось плакать. А Купоросов со смехом продолжал:

– Она готова отдать мне свое сердце. Что ты на это скажешь, Петля?

– Дают – бери, Бритва, – сказала Нестерова. – Заодно возьми у нее печенку с селезенкой.

«Какая еще петля?... какая еще бритва?...» – в смятении думала Рита.

И тут Курочкину кто-то схватил за шиворот. Это был скелет – любитель компьютерных игр.

– Попалась, детка! – проклацал он своими скелетскими челюстями и поволок Риту в кабинет директора.

А в кабинете сидели Купоросов и Нестерова – с зелеными лицами.

– Что, крошка, – хочешь отдать мне свое сердце?.. – В руке директора появилась старинная бритва с перламутровой ручкой. – Сейчас я вырежу его из твоей груди.

– Ой, мамочка, – в испуге пискнула Рита.

– Ой, мамочка, – передразнила ее Нестерова, потрепав по щеке.

Рука у Нестеровой была холодная-прехолодная. Как у мертвеца. И Рита отчетливо поняла, что Нестерова и есть мертвец. И Купоросов – мертвец. И еще Рита поняла: если она сейчас от них не убежит, то тоже станет мертвецом.

И Курочкина пустилась наутек.

– Ха-ха-ха, – захохотал директор. – Далеко не убежишь!

И точно – далеко Рита не убежала. Не успела она выскочить из кабинета, как дорогу ей преградил все тот же Купоросов.

– Отдай свое сердце! – прорычал он.

Оттолкнув его, Курочкина понеслась дальше. Но теперь на ее пути встала Нестерова.

– Отдай свое сердце! – прошипела учительница.

Курочкина попятилась и наткнулась спиной на невесть откуда взявшуюся стену. Справа и слева от Риты тоже появились стены, и тоже невесть откуда... А учителя-мертвецы со скелетом приближались. Становясь все ближе...

ближе...

ближе...

И вот они уже совсем рядом.

– Музыка! – провозгласил директор.

В ту же секунду на всю школу грянул похоронный марш:

ПАМ-ПАМ-ПАРАМ-ПАМ-ПАРАМ-ПАРАМ-
ПАРАМ...

Когтистые пальцы Купоросова обхватили тоненькую Ритину шейку. И...

Глава II. Девочка-видение

...И Генка Самокатов проснулся. «Ни фиги ж себе, – подумал он. – Ну и бредятина...» Мало того, что ему приснилось, будто он – девчонка, его еще угораздило во сне влюбиться в директора школы. Наяву Купоросов был Генке до лампочки. А вот Нестерова Самокатову не нравилась: вечно злая, вечно в черном... Типичная ведьма.

Зато уж кто Генке нравился, так это Рита Курочкина. До встречи с ней отношения с девчонками у Самокатова складывались не лучшим образом. Точнее, никак не складывались. Не то что у его друга и одноклассника Макса Горохова. Послушать Макса, так ему девчонки прохода не давали. Чуть ли не каждый день к нему приставали. А у Генки девчонок не было от слова «совсем». И не потому, что он был такой уж ботан. Просто они ему, как и дирик, были до лампочки, даже еще и дальше – до фонаря... И так продолжалось пока в 7-м «б» не появилась Рита. И Генка понял: пришла его первая любовь.

С тех пор Самокатов только и думал, что о Курочкиной. А вчера взял да и пригласил ее в океанариум. А после океанариума Генка намеревался поцеловать Риту. Крутой спец в этих делах – Макс Горохов – утверждал, что девчонки любят целоваться. «Когда ты целуешь девчонку – это круто, – говорил Горохов. – А когда она тебя целует – это еще круче».

Самокатову приходилось верить другу на слово. Сам Генка еще ни разу в жизни не целовался. Нет, с родственниками-то он, конечно, целовался – и не раз – и с папой, и с мамой, и с бабушками, и с дедушками... А вот поцеловать понравившуюся девчонку – такого в Генкиной жизни еще не случилось. И вот сегодня должно было случиться.

Самокатов встал, постель убирать не стал, позавтракал на ходу чипсами с колой... Без родичей, конечно, было зашибись. С тех пор, как они укатили к морю, никто Генку не доставал, типа: сходи в магазин или делай уроки... Впрочем, уроки Самокатов делал. И делал хорошо. Потому что отец обещал ему навороченный айфон, если Генка закончит седьмой класс без троек.

Самокатов потопал в школу. Притопал и столкнулся с директором.

– Здравсьте, – поздоровался с ним Генка.

Купоросов кивнул в ответ, а Самокатов сразу же вспомнил как дирик-мертвец душил его когтистыми пальцами. У Генки утром даже шея побаливала, будто его, и впрямь, душили. А глянув в зеркало, он увидел на шее свежие царапины, хотя с вечера никаких царапин не было.

«Где это я мог оцарапаться?» – думал Самокатов, подходя к кабинету физики.

Здесь уже стоял Макс Горохов.

– Привет, Горох, – сказал Генка.

– Привет, Самокат.

– Как делишки?

– В порядке. Зацени: вчера ко мне сразу четыре девчонки пристали.

– Супер, – заценил Самокатов. – А мне сегодня такой отстойный сон приснился. Будто я превратился в Курочкину, а потом...

– В какую Курочкину? – перебил Макс.

– Ну в Ритку Курочкину.

– Что еще за Ритка?

Генка хмыкнул.

– Хорош, Горох, лопуха из себя строить. Как будто ты Курочкину не знаешь.

– Не знаю.

– Кончай прикалываться.

– Да кто прикалывается? Я вообще не врубаюсь, о ком ты говоришь.

– О Курочкиной из нашего класса.

– Нет у нас в классе никакой Курочкиной.

– А кто у окна сидит?

– Баринова.

– А рядом с Бариновой кто?

– Никто.

Генка начал заводиться.

– Горох, я тебя сейчас в луже утоплю!

– Да отвали ты, Самокат. Сказано те-бе – с Бариновой никто не сидит.

– Курочкина с ней сидит! – завелся Самокатов.

– Да нет у нас в классе никакой Курочкиной. Цыпцын – есть, а Курочкиной нет.

Мимо них как раз проходил Цыпцын.

– Толян, – схватил его за руку Горохов.

– Чего? – малость опешил Цыпцын.

– Курочкину знаешь?

– Какую Курочкину?

– Ладно, свободен. – Горохов повернулся к Самокатову. –

Ну что, слыхал?

Прозвенел звонок, и ребята пошли на физику. Но Генке было не до учебы. Он озадаченно смотрел на окно; точнее, на пустой стул у окна. Где же Рита?.. Может, опаздывает?.. Но Курочкина не появилась и на втором уроке. И на третьем... Самокатов приуныл. Значит, поцелуи отменяются. А он настроился именно сегодня поцеловать Риту.

– Ну, и где твоя Курочкина? – ехидно спрашивал на каждой переменке Горохов.

– Отвали, Горох, – отвечал Самокатов.

– Нет, ты, и правда, думаешь, что у нас в классе есть какая-то Курочкина?

– Да, есть.

– Самокат, по-моему, ты совсем спятил.

– Сам ты спятил.

Генка подошел к Бариновой.

– Лен, ты Курочкину не видела?

– Какую Курочкину? – ответила Баринава точно так же, как Горохов и Цыпцын.

Оставшиеся уроки Самокатов просидел в полнейшем недоумении. И даже двойку у Нестеровой схватил – по русскому. А дома попытался привести в порядок свои беспорядочные мысли. Итак, Горохов, Цыпцын и Баринава в один голос утверждали, что Курочкиной в их классе нет. Но это же бред. Бред-то бред, но почему тогда Ритина фамилия не вписана в классный журнал, в который Генка заглянул по ходу уроков?.. И он-то – придурок! – не взял у Риты номер ее мобилки. Сейчас бы звякнул – и все дела.

Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля... – заиграл мобильник.

– Алло, – ответил Самокатов.

– Приветик, – сказала Курочкина.

Глава III. Рита + Гена = love

– Рита! – обрадовался Генка. – Это ты?

– Нет, не я, – хихикнула Курочкина. – С вами говорит автоприветчик.

Все Генкины тревоги сразу же – фьють! – и улетели.

– Рит, а чего ты в школу не пришла?

– А, решила прогулять, – беспечно ответила Курочкина.

И спросила: – А ты от Московского вокзала далеко живешь?

– Нет, не далеко. На Лиговке. А что?..

– Приезжай тогда сейчас на Фарфоровскую. До нее минут десять на электричке. Давай, Генчик, в темпе. Я тебя буду на платформе ждать.

– А почему именно туда?

– Приедешь – узнаешь.

– О'кей! Еду!

И Самокатов помчался на вокзал. Он бы сейчас и на край света помчался, если бы Рита его туда позвала.

Примчался. Вскочил в электричку и снова помчался. На Фарфоровскую.

Настроение у Самокатова сделалось просто суперским! Генка больше не думал ни о своем кошмарном сне, ни о странностях в школе... Правда, он сегодня пару схватил. И если ее не исправить, то по русскому за год будет трояк. А это значит – гуд бай навороченный айфон. Так что придется

подкатывать к Нестеровой насчет двойку исправить.

И вот уже – Фарфоровская.

Курочкина стояла у кассы и что-то писала маркером на стене.

– Привет, Рит! – подскочил Генка. – А что ты тут пишешь?

Курочкина закрыла надпись ладошкой.

– Ничего.

– Дай посмотреть.

– Не дам. Прочтешь, когда обратно поедешь.

– Ты что-то про меня написала?

– Про тебя и про себя.

– А можно я сейчас посмотрю?

– Нельзя.

И Рита увлекла Генку к скамейке.

– Посидим?

– Посидим.

Они сели. Курочкина достала из рюкзака пакетик изюма в шоколаде и протянула Самокатову.

– Угощайся, Генчик.

Генка начал угощаться.

– Рит, а чего ты сегодня в школу не пришла? – снова спросил он.

– Так я ж тебе сказала: решила прогулять.

– Но мы же договорились после уроков пойти в океанариум.

– Ой, извини. Забыла.

Генка был уязвлен.

– Я ведь тебе три раза напоминал.

– А у меня в одно ухо влетело, а из другого вылетело, – захихикала Рита.

Да, стыдить Курочкину было явно бесполезно. И Самокатов сменил тему.

– А ты что, здесь живешь?

– Ага, под платформой, – продолжала хихикать Рита.

– Ну, в смысле, около Фарфоровской? – уточнил Генка.

Курочкина не успела ответить. К ним подошел мужчина в черном костюме и с белым букетом.

– Вы не подскажете, как пройти на собачье кладбище? – спросил он.

Рита стала объяснять:

– Идите прямо, потом налево, затем направо...

Мужчина пошел. А Генка спросил:

– Что еще за собачье кладбище?

– Там собак хоронят. И еще кошек, хомячков... Короче, домашних животных; я своего Крыжовника тоже там похоронила.

– Какого Крыжовника?

– У меня был кот по имени Крыжовник... – Курочкина печально вздохнула.

Мимо платформы несся скорый поезд. Когда он унесся, Рита сказала:

– Ген, у меня для тебя не очень приятная новость... – Ку-

рочкина замялась.

«У нее есть другой пацан!» – сверкнула догадка у Самокатова. И он тут же выпалил:

– У тебя есть другой парень, да?

Рита взъерошила Генкины волосы.

– Никого у меня нет, дурачок. Я люблю только тебя.

Генка смутился.

– Любишь?..

Рита кивнула.

– Люблю. Надеюсь, ты не против?

– Да.

– Что – да?

– Ну то есть – нет. Не против.

Курочкина встала со скамейки.

– Пойдем, я тебе покажу, что я написала.

Они подошли к кассам. На стене было написано:

Рита + Гена = love

«Самое время для поцелуя», – решил Самокатов и потянулся к Ритиной щеке. Курочкина отстранилась.

– Не надо, Генчик, – сказала она.

– Почему?

– Потому что мы должны расстаться, – трагическим тоном сообщила Рита. – Навсегда.

– Как это – навсегда? – обалдел Самокатов.

– Сейчас поезд пройдет, и я тебе объясню...

Мимо платформы катил товарняк. Длинный-предлин-

ный. Генка прямо-таки весь измаялся в ожидании, когда тот закончится.

Наконец товарняк закончился, а Рита начала:

– Раньше я была очень веселой девчонкой...

– Да ты и сейчас...

– Не перебивай, пожалуйста. Я любила прикалываться, обожала вечеринки, прогулки... Но однажды я попала в больницу с аппендицитом. И там случилась ужасная вещь... – Курочкина замолчала.

– Ну?! – не выдержал Самокатов.

– В общем, хирург, который делал мне операцию, внезапно сошел с ума. И вместо аппендикита вырезал у меня... сердце. – Рита опять умолкла.

– Фигня какая-то, – хмыкнул Генка.

– К сожалению, не фигня. Послушай, если не веришь.

Генка послушал. В груди у Риты было тихо.

– Можешь и пульс пощупать. – Курочкина протянула руку. – Его у меня тоже нет.

Самокатов пощупал. Пульса не было.

– И зрачки у меня на свет не реагируют... – Рита посмотрела на солнце. – Видишь?..

Самокатов был сбит с толку. А Рита продолжала:

– В той больнице проводились опыты по оживлению мертвых. Вот меня и оживили. Но не до конца. Для того, чтобы стать окончательно живой, мне надо твое сердце.

– Мое? – ошарашено произнес Самокатов.

– Да, твое, – кивнула Курочкина и сделала шаг вперед.

Генка невольно попятился. Курочкина сделала еще шаг вперед. А Самокатов, соответственно, шаг назад.

Тем временем приближался очередной товарняк. Тудух-тудух... тудух-тудух... – стучали колеса.

Курочкина продолжала наступать на Самокатова, улыбаясь при этом какой-то застывшей улыбкой.

– Рит, ты чего?.. – пробормотал Генка, отступая к краю платформы.

И тут вдруг Ритино лицо мгновенно позеленело.

– Отдай свое сердце! – завизжала Курочкина и толкнула Самокатова на рельсы.

– А-а-а-а!.. – полетел Генка с платформы. Прямо под колеса товарняка.

Глава IV. «Шуточки» подсознания

– А-а-а-а!.. – продолжал вопить Самокатов. Что с ним? Где он? Да это же его комната!.. А сам он лежит на кровати... Блин!.. Значит, это был сон!.. Сон?.. Но почему так болит затылок?.. Генка нащупал на затылке здоровенную шишку. И тотчас вспомнил о царапинах на шее, появившихся после вчерашнего сна.

А что если это никакие не сны, а глюки, во время которых он царапает себя ногтями и бьется головой о стену!

Самокатов даже вспотел от такого предположения. И отбросил его куда подальше. Да нет же! Все очень просто: он где-то незаметно для себя оцарапался и ударился. И с кошмарами тоже все очень просто: он в инете объелся фильмами ужасов; вот поэтому кошмары и сняться.

Но сколько Генка себя ни убеждал, все равно оба сна казались ему явью. Он даже путаться стал – что ему снилось, а что было на самом деле. Ну, то, что он в Курочкину превратился – это, конечно, сон. А вот когда он пошел в школу и спорил там с Максом насчет все той же Курочкиной – это сон или не сон?.. Вроде бы не сон... А может, сон?

«Двойка!» – осенило Самокатова. Ему же Нестерова пару влепила!.. Генка схватил дневник, перелистал... Есть пара!.. Вот она!.. Самокатов обрадовался стоящей в дневнике двойке, как пятерке никогда не радовался. Значит, то, что было

вчера в школе – было на самом деле. Он поболтал с Горохом, схватил двойбан, вернулся домой и...

И – что?

Генка опять встал в тупик. Потом позвонила Рита и позвала его на Фарфоровскую. Выходит, с этого момента и начался сон? Но тогда получается, что, придя из школы, он сразу же лег спать – это в три-то часа дня! – и продрых до сегодняшнего утра. Фигня какая-то... Спать он обычно ложился в десять, а с отъездом родителей – в двенадцать. Ночи, разумеется, а не дня. Да, но если он, вернувшись из школы, не лег спать и не ездил на Фарфоровскую – что же, в таком случае, он делал с трех до полуночи?

В общем, Самокатов опять потопал в школу. Притопал. И около раздевалки встретил Горохова.

Макс как всегда был в своем репертуаре:

– Зацени, Самокат. Вчера на вечеринке две девчонки из-за меня подрались.

На сей раз Генка заценивать не стал.

– Горох, – сказал он, – я задам тебе пару вопросов. Ты просто отвечай и ни о чем не спрашивай.

Горохов недоуменно уставился на друга.

– Самокат, ты в последнее время какой-то прибабахнутый.

«Будешь тут прибабахнутым», – подумал про себя Генка, а вслух спросил:

– Ну, ты врубился?

– Врубился, врубился, – ответил Макс и тотчас спросил: – А почему я не должен ни о чем спрашивать?

– После объясню, – пообещал Самокатов и начал задавать вопросы: – Я вчера в школе был?

– А ты что, сам не...

– Отвечай на вопрос!

– Ну был.

– Мы о Курочкиной говорили?

– Ну говорили.

– Раньше ты о ней слышал?

– Нет, не слышал.

– Мы с тобой после школы куда-нибудь ходили?

– Нет, не ходили... Слушай, Самокат, – не выдержал Горохов, – а ты случайно не шизанулся?

– Вполне возможно, – вздохнул Генка и рассказал Максиму обо всем, что с ним случилось то ли во сне, то ли наяву.

– Вот такие у меня заморочки, – мрачно закончил он свой рассказ. – Что ты на это скажешь?

Горохов дурашливо похлопал друга по плечу.

– Чего тут говорить, Самокат. Ложись в психушку.

– Да пошел ты!.. – вспыхнул Генка.

И сам пошел. Злой как черт.

Макс кинулся следом.

– Эй, я же пошутил.

– Отвали!

– Да не заводись, Самокат! Че ты такой нервный?

– Посмотрел бы я на тебя, если б тебе всякая шиза снилась!

– Подумаешь, как будто мне шизуха не снится. Недавно вон приснилось, что я от монстров удирал.

– Ты хоть удирал. А я на рельсы упал и ни рукой, ни ногой не могу шевельнуть. А товарняк надвигается...

– Ой, да не парься ты, Самокат!

Но Генка не мог не париться.

– Ну вот откуда у меня шишка на затылке?

– Ударился обо что-то.

– О подушку что ли?

– Почему о подушку? О кровать, например.

– А шею кто мне оцарапал?

– Да ты сам ее оцарапал. Вон у тебя ногти какие.

– А с Курочкиной как быть?

– А ты действительно видел ее в нашем классе?

– Как тебя сейчас. И на уроках, и на переменах... Слушай, Горох, – с тревогой сказал Генка, – а вдруг у меня, и вправду, крыша едет?

– Это легко проверить. Есть специальные тесты. Хочешь, я тебя протестирую?

– Ты?

– Ну да. У меня же отец – психиатр... Вот закрой глаза.

– Зачем?

– Да не бойся, закрывай. Я тебе точно скажу, свихнулся ты или нет.

Самокатов закрыл глаза.

– А теперь дотронься указательным пальцем левой руки до кончика носа.

Генка дотронулся.

– Зашибись! – сделал вывод Горохов. – Ты в полном порядке.

– Да уж, в порядке, – буркнул Самокатов, но на душе у него стало чуточку спокойнее.

– Ты просто перезанимался, – объяснил другу Макс. – Навороченный айфон – это, конечно, круто. – Горохов был в курсе Генкиных дел. – Но и за него тоже особо корячиться не стоит.

– Да я особо и не корячусь.

– У нас же сейчас самые клевые годы, – не слушая, продолжал Горохов. – Нам надо не уроками заниматься, а на вечеринках отрываться. Скоро ведь уже вырастем – и начнется скучная взрослая жизнь.

– Да, взрослая жизнь – отстой, – согласился Генка.

– Вот и давай сегодня махнем на вечеринку, – предложил Макс. – Подцепим там классных девчонок...

– Я уже одну подцепил, – вздохнул Самокатов. – А она меня – бац! – и под товарняк.

– Да это, скорее всего, шуточки твоего подсознания.

– Чего-чего?

– Ты хоть знаешь, что такое подсознание?

– Ну так, примерно.

– А я точно знаю. Мне папаша объяснял. У человека мозг на девяносто процентов не работает. Мы мыслим одной коркой... – Горохов для наглядности постучал себя по лбу. – А что заложено в подкорке – неизвестно.

– А при чем тут подсознание?

– Ну ты тормоз, Самокат. Подкорка – и есть подсознание.

– А-а... – протянул Генка. – И что?

– А то, что это у тебя все из подсознания лезет. И Курочкина, и Фарфоровская... Ты на этой станции раньше-то бывал?

– А разве такая станция существует?

– Конечно, существует.

Самокатов присвистнул.

– Ни фиги ж себе! Выходит, во сне я узнал про станцию, которая есть на самом деле?

– Да не во сне, – поправил друга Горохов. – Ты знал о ней, но забыл. Вернее, не забыл, а она у тебя из сознания перешла в подсознание. Так же, как и Курочкина.

– Что – и Курочкина существует в реале?

– Конечно. И ты с ней раньше был знаком.

– Когда раньше?

– До школы. И воспоминания о ней ушли в твое подсознание.

Самокатов с сомнением качал головой.

– Сознание, подсознание; фигня все это. Не знал я раньше никакой Курочкиной. И про Фарфоровскую тоже раньше не

знал.

– Ты в этом уверен?

– Уверен!

Разговор друзей прервал звонок. Первым уроком была литература.

– Ладно, завязываем, – сказал Генка. – Пошли на литру. Мне надо еще у Нестеровой спросить, когда можно пару по русскому исправить.

Горохов не двинулся с места.

– А что если нам это проверить?

– Что – это?

– Ты говоришь, что про Фарфоровскую не знал. А давай сейчас туда смотаемся. Вдруг там что-нибудь выплывет из твоего подсознания.

– Да ничего там не выплывет.

– А может, выплывет. И тогда твое подсознание перестанет давить на твое сознание. И тебе больше не будет сниться всякое фуфло.

– А как же уроки?

– Самокат, тебе что важнее – уроки или чтоб тебя заморочки не заморачивали? Короче, едем!

– Ладно, поехали.

Глава V. Собачье кладбище

И ребята поехали на Фарфоровскую. Едва они вышли из электрички, как Генка изумленно воскликнул:

– Я здесь уже был!

– Ага-а! – торжествовал Горохов. – Пошла информация из подсознания!

– Да какое на фиг подсознание? Я помню, что был здесь во сне. Вон кассы... а вон на той скамейке мы с Ритой сидели...

– На всех станциях есть скамейки и кассы...

– А мы с Курочкиной сидели именно на этой скамейке! – упорствовал Генка. – А вот отсюда она меня толкнула... – подскочил он к краю платформы. – А вон туда я упал... – показал он пальцем на рельсы.

Вспомнив еще кое о чем, Самокатов стремительно бросился к кассам. И у него екнуло сердце. Справа от двери, на стене, было написано:

Рита + Гена = love

Подошел Горохов.

– Смотри, – указал Самокатов на надпись.

– Ну и что?

– Это она написала.

– Кто – она?

– Курочкина.

Макс хмыкнул.

– Да какая еще Курочкина? Ты думаешь, ты один Гена в Питере? Да тут Ген до фига и больше. Так же, как и Рит.

– Нет, это Курочкина написала, – стоял на своем Самокатов.

– Ну а это кто написал? – Горохов широким жестом окинул стену. – Тоже Курочкина?

Только теперь Генка обратил внимание на то, что вся стена пестрела любовными признаниями: Саша + Маша; Андрей + Наташа; Галя + Сергей... И везде это равнялось любви. Слово любовь было написано где по-русски, где по-английски, а где просто нарисовано в виде сердечка.

Горохов победно глядел на друга.

– Что скажешь, Самокат?

Генка собрался было ответить, да так и замер с открытым ртом. Потому что увидел мужчину в черном костюме и с белым букетом.

– Горох, я его знаю!

– Кого?

– Вот того типа с цветами. Он идет на собачье кладбище.

– На какое еще собачье кладбище?

– Тут недалеко есть кладбище домашних животных. Мне Курочкина говорила.

– Ах тебе Курочкина говорила, – язвительно повторил Макс. – Совсем ты, Самокат, шизанулся.

– Горох, надо за ним последить. И если он придет на со-

бачье кладбище, тогда... – Самокатов запнулся.

– Что – тогда?

– Не знаю. Но именно его я видел. Именно его!

– Ну хорошо, давай последим, – согласился Горохов.

Они пошли за мужчиной и пришли на собачье кладбище.

У входа висела табличка:

АЗОРКИНО КЛАДБИЩЕ

Собачье кладбище мало чем отличалось от человеческого. Те же самые надгробия: у породистых собак – дорогие; у дворняжек – дешевые... В общем, все, как у людей... Кладбищенские дорожки подметал карлик – сантиметров под сто. Мужчина подошел к нему. Они обменялись рукопожатиями и несколькими фразами. Затем карлик вновь принялся махать метлой, а мужчина пошел в глубь кладбища.

У одного из надгробий он остановился, положил цветы... Мальчишки, для отвода глаз, начали осматривать соседние надгробия. Кого тут только не хоронили: и собак, и кошек, и хомячков, и попугайчиков, и морских свинок... На некоторых могилах имелись эпитафии. Типа:

Самый умный кот на свете

Мирно спит под камнем этим.

Или:

Здесь лежит бульдог Попкорн!

Хозяину был предан он!

Мужчина, скорбно опустив голову, постоял у могилы. Потом побрел к выходу. Друзья тотчас подошли к надгробию, у которого он стоял. Здесь тоже имелась стихотворная эпитафия:

Без тебя, родная Рита,
Жизнь моя почти разбита.

– Рита, – обратил внимание на имя Генка.

– Ну и что, – пожал плечами Макс. – Очень распространенная кличка для овчарок.

– Надпись какая-то странная, – не унимался Самокатов. – Что значит – по-чти разбита?

– Так он-то пока еще живой, – объяснил Горохов, кивнув в сторону удаляющегося мужчины. – Вот когда коньки отбросит, его жизнь будет совсем разбита... Слушай, Самокат, а как ты узнал, что этот тип пойдет именно сюда?

– Я же тебе говорил. Он подошел к нам с Курочкиной на платформе и...

– Во сне подошел? – перебил Макс.

Генка вздохнул.

– Фиг его знает. С одной стороны – вроде бы во сне, а с другой – вроде бы наяву.

– Давай тогда продолжим слежку, – предложил Горохов.

– Давай. Пошли.

– Подожди. Знаешь, как надо сделать?

– Как?

– Ты садись на хвост этому типу, а я с карликом поговорю.

– О, точно!.. И еще поищи могилу Крыжовника.

– Какого Крыжовника?

– Кота Курочкиной. Она говорила, что он где-то тут похоронен.

– Ладно, поищу.

– Ну я отваливаю.

И Генка отвалил. А Макс направился к карлику.

Сразу заводить разговор о мужчине в черном Горохов не стал. А начал издалека:

– А вы не скажете, почему это кладбище называется Азоркиным?

– Скажу, – ответил карлик, не переставая махать метлой. – Самую первую собаку, которую тут схоронили, Азоркой звали.

– А-а, – протянул Макс и увидел надгробие с иностранной надписью. – А здесь кто похоронен, не знаете?

– Знаю. Крокодил.

– Крокодил?

– Да. Консул одной африканской республики привез с собой ручного крокодила. А тот простудился и помер. У нас же здесь не Африка... – Карлик достал сигареты. – Надо, пожалуй, перекурить.

Карлик закурил.

А Горохов перевел разговор на мужчину в черном.

– Это сейчас артист приходил, да? Я его вроде бы в каком-то сериале ви-дел.

Карлик выпустил изо рта дым.

– Может, и артист. Мы не знакомы.

– Вы же с ним поздоровались.

– Он сюда каждый день ходит. Потому и здороваемся.

– Каждый день?

– Да. А то и по два раза в день.

– Надо же. Видно, свою собаку очень любил.

– Любить-то любил, – покуривал карлик. – А потом взял да убил.

– Как это?

– А она взбесилась. И чуть было его не загрызла.

– Откуда вы знаете?

– Он сам мне рассказывал. Пришел однажды сам не свой. И битый час про свою Риту трепался. Да так, словно это не собака была, а человек. Странный тип. И могилка тоже странная.

– А чем она странная?

– Да я раз зимой пошел снег убирать, гляжу: а у могилы – на снегу – следы собачьих лап...

– Ну и что?

– А то, – сказал карлик. – Следы от могилы вели, а к могиле следов не было.

Глава VI. «Жильцам дома № 44 срочно покинуть свои квартиры!»

Тем временем Самокатов «сидел на хвосте» у мужчины в черном. А тот, в свою очередь, сидел в электричке. Электричка прикатила на Московский вокзал. Толпа повалила по перрону. И в этой толпе Генка потерял объект своей слежки.

Самокатов в одну сторону метнулся, в другую. Нет типа в черном. Как сквозь землю провалился... И в расстроенных чувствах Генка потопал домой. На Лиговку. И вдруг вновь увидел мужчину в черном. Мужчина свернул в Генкин двор, вошел в Генкин дом, поднялся на Генкин этаж... «Ну, если он сейчас еще и в мою квартиру позвонит...» – вне себя от изумления подумал Самокатов.

А мужчина открыл ключом дверь соседней квартиры. Когда-то в этой квартире жила старуха Красавцева. Но она недавно умерла. С тех пор квартира пустовала.

Генка помчался вниз. К дяде Феде – дворнику.

Сколько Самокатов себя помнил, столько помнил и дядю Федю, который вечно во дворе что-то подметал, убирал... Вот и сейчас, орудуя лопатой, он выгребал мусор из мусоросборника.

– Здрасьте, дядь Федь.

– Здорово, коль не шутишь, – грубовато ответил дворник.

– А вы не знаете, кто в сто тринадцатой квартире живет?

– Да мужик какой-то. Видать, купил эту квартирку.

– А фамилия его как?

– Ты, паря, как следователь, – заворчал дядя Федя. – Кто да как. Мое дело вон мусор убирать... – И он снова заработал лопатой.

Самокатов пошел домой, бухнулся в кресло и задумался. «Ни фига ж себе, – думал он. – Вначале тип в черном мне приснился, а сейчас я его вижу наяву, да еще и живет он по соседству...»

Дзинь-дзинь-дзинь... – прервал Генкины размышления дверной звонок. Это был Горохов, который рассказал Самокатову все, что узнал от карлика.

– А еще, – возбужденно закончил рассказ Макс, – карлик видел зимой на снегу следы собачьих лап, ведущие от могилы. А к могиле следов не было.

– А могилу Крыжовника ты нашел?

– Нет, не нашел.

– А ты бы у карлика спросил.

– Я спрашивал. Он сказал, что нет там никакого Крыжовника... Давай, Самокат, теперь ты рассказывай. Ты выследил этого типа?

– Выследил. Он здесь живет!

– Где – здесь?

– В квартире напротив.

Горохов недоверчиво уставился на друга.

– Без прикола?

– Без прикола!

– Вот так фишечка!.. Тогда мне все ясно!

– Что тебя ясно?

– А то, что твоим сознанием управляют! На тебе испытывают новое психотронное оружие!..

Где-то Самокатов уже слышал о психотронном оружии. И не только слышал, но и видел. И Генка сразу вспомнил – где. Да в интернете. На прошлой неделе он смотрел по инету шпионский триллер, и там в мозг главного героя посылали специальные импульсы из соседней квартиры.

– В твой мозг из соседней квартиры посылают специальные импульсы... – азартно говорил Макс.

Самокатов усмехнулся.

– Горох, я этот боевик тоже видел.

– Да при чем тут боевик? Тебе это в реале устроили!

– А почему именно мне?

– На ком-то же надо испытывать психотронное оружие. Вот тебя и выбрали.

– Ой, да фигня!

– Да почему – фигня? Очень даже возможная версия. Давай ее проверим.

– Как мы ее проверим?

– Залезем в квартиру, когда этого ти-па дома не будет.

– А как мы туда залезем? Дверь же на замке.

– Вот это уж точно фигня, – бодро сказала Макс. – К лю-

бому замку можно ключ подобрать.

Тут Генка кое-что вспомнил.

– Ничего не надо подбирать. У нас есть ключ от той квартиры.

– Класс! А откуда?

– Красавцева часто дверь захлопывала, а ключ дома забывала. Поэтому отдала нам запасной. Он, кажись, до сих пор в прихожей висит. Я сейчас сгоняю, посмотрю.

Генка сгонял, посмотрел. Да, ключ висел в прихожей.

– Все о'кей, Горох! Завтра можем залезть.

– Никаких завтра! – решительно ответил Макс. – У меня классный планчик нарисовался. Залезем прямо сейчас.

– Так ведь он же дома.

– А мы звякнем в полицию и скажем, что дом заминирован. Полиция примчится, жильцов из дома вытурит и станет бомбу искать. А мы в это время залезем в квартиру.

– А если вычислят, что это мы позвонили?

– Не вычислят! Мы же не с мобилы будем звякать.

– А откуда?

– Из метро. Там телефон-автомат висит. Я видел.

– Так он скорее всего не работает.

– А может, работает.

– Давай все-таки до завтра подождем, – сказал Самокатов. – Тип поедет на кладбище, а мы...

Горохов перебил:

– А где гарантия, что он через пять минут не вернется?

– Зачем ему возвращаться?

– Мало ли зачем... Вернется и накроет нас... Короче, я погнал звонить.

И Макс убежал.

А через десять минут прибежал.

– Порядок! – объявил он.

– Позвонил?

– Ага. Сказал, что дом сорок четыре на Лиговском заминирован.

– И что тебе ответили?

– Я же не дурак ответа дожидаться! Протараторил и смотрелся.

– Значит, сейчас приедут.

– Ага.

В ту же секунду на улице завывла полицейская сирена: ВАУ-ВАУ-ВАУ... А вслед за ней послышался голос, усиленный мегафоном: ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ЖИЛЬЦАМ ДОМА НОМЕР СОРОК ЧЕТЫРЕ ПО ЛИГОВСКОМУ ПРОСПЕКТУ СРОЧНО ПОКИНУТЬ СВОИ КВАРТИРЫ!

– Вот это скорость, – восхитился Горохов.

Дом сразу же стал похож на встревоженный муравейник... Мальчишки, поочередно глядя в дверной глазок, ждали, когда из соседней квартиры выскочит мужчина в черном. Он не заставил себя долго ждать.

– Выскочил, – сообщил Самокатов.

– Ну что, идем?

– Подожди, пускай все смотаются.

Когда двери перестали хлопать, а ноги топать, Макс сказал:

– Погнали!.. – И первым ринулся на лестничную площадку.

И тотчас, нос к носу, столкнулся с полицейским.

– А ты, пацан, чего телишься?! – заорал на него полицейский. – Ну-ка, мигом на улицу!

– Да я... – растерялся Горохов.

– Дома еще кто-нибудь есть?

– Нет.

– Закрывай квартиру и пошли.

«Вот блин! – думал Генка, слыша удаляющиеся шаги друга. – Придется одному лезть».

Сунув на всякий случай в карман фонарик, Самокатов осторожно вышел на лестничную площадку; подошел к двери, вставил ключ в замочную скважину, повернул... Триктрак, – сказал замок, открываясь.

И Генка вошел в квартиру.

Глава VII. Гроб на колесиках

Вошел и двинулся по узкому коридорчику. Шел-шел, шел-шел... А коридорчик все не кончается и не кончается. «Фигня какая-то», – недоумевал Самокатов, точно помня, что у Красавцевой крохотная однокомнатная квартирка. С крохотной прихожей.

Наконец коридорчик закончился дверью. Генка толкнул ее и вошел. И чуть было не споткнулся о гроб, стоявший на полу.

В гробу лежала Рита Курочкина.

– Ой! – ойкнул Самокатов.

– Ай! – айкнула в ответ Курочкина и поднялась из гроба. – Ну что ты, Генчик, на меня уставился? Мертвецов никогда не видел?

Самокатов в ужасе отступил.

– Куда же ты? – пошла на него Курочкина. – Давай поцелуемся.

Генка продолжал отступать. А Рита наступать. Все повторялось, как тогда – на платформе.

– Иди ко мне, Геночка, – манила его девочка. – Ты же хотел меня поцеловать.

– Я... пе-передумал, – выдавил Самокатов.

– Нет, дурачок, – погрозила ему Курочкина пальчиком. – Первое слово дороже второго.

Генка уперся спиной в шкаф. Рита обхватила Генкину шею холодными пальцами. Самокатов весь напрягся.

– Расслабься, я не кусаюсь, – прошептала Курочкина и укусила Самокатова.

Вскрикнув от боли, Генка инстинктивно оттолкнул Риту. И она, задев ногой крышку гроба, грохнулась на пол.

– Сейчас ты за это заплатишь! – злобно закричала Курочкина. – Жизнью заплатишь!.. Эй, где ты там, мой сладкий монстр?!

Тотчас в коридоре раздались тяжелые шаги, дверь отворилась и в комнату вошел Купоросов.

– Я здесь, госпожа.

– Убей его! – показала Курочкина на Самокатова.

– С удовольствием. – В руке директора блеснула старинная бритва с перламутровой ручкой.

Бежать! Скорей бежать!.. Самокатов, сам не зная как, очутился в коридоре. И помчался. Позади него слышался громкий топот. Генка на бегу обернулся и чуть было не завопил от ужаса. Потому что его преследовала целая толпа скелетов.

Самокатов размахнулся и кинул в них фонарик. БА-БАХ! – рванул фонарик, будто граната. И скелеты превратились в груды костей.

А Генка понесся дальше. Но теперь за ним катился гроб на колесиках.

КЛАЦ-КЛАЦ-КЛАЦ... – клацала гробовая крышка.

ВЗЖ-Ж... ВЗЖ-Ж... ВЗЖ-Ж... – визжали колесики.

Генка вбежал в какую-то комнату. И это оказалась та самая комната, из которой он только что убежал. Помимо Курочкиной и Купоросова тут была еще и Нестерова. С петлей на шее.

– Геннадий, – строго сказала она, – ты когда собираешься двойку по русскому исправлять? Имей в виду, если ты ее не исправишь, за год у тебя будет тройка. И отец не купит тебе навороченный айфон.

– А зачем покойнику айфон? – оскалился Купоросов в мерзкой улыбочке и, помахивая бритвой, направился к Генке.

Внезапно в руках у Самокатова по-явился... автомат. Удивляться было некогда. Генка передернул затвор и – тратата-тата-тата... в директора. Самокатов буквально изрешетил Купоросова. А тому хоть бы хны.

– Ха-ха-ха! – хохотал Купоросов. – Меня так просто не убьешь, дружок. Меня вот как можно убить... – И, резко взмахнув бритвой, директор перерезал себе горло. Послышался булькающий звук, и из горла Купоросова хлынула... нет, не кровь, а зеленая жидкость, типа зеленки.

Ужас сковал Самокатова. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, ни языком. Как сквозь вату, он слышал слова Курочкиной:

– Агафон Евлампиевич, достаньте мне его сердце.

– Позвольте, я достану, – вызвалась Нестерова.

Генка почувствовал, как ледяные пальцы учительницы

вошли в его грудь, словно в воду, и обхватили сердце, будто клещами...

– Прощу, Ритуля, – сказала Екатерина Васильевна.

И вот уже трепещущее Генкино сердце лежало на ладонях у Курочкиной.

Все поплыло у Самокатова перед глазами и под ногами. И он... проснулся.

Самокатов сидел у себя дома в кресле. Губа болела. Подскочив к зеркалу, Генка увидел, что она распухла от укуса. Именно от укуса, потому что на губе ясно виднелись следы зубов. «Чьих зубов?» – спросил себя Самокатов. Либо он сам прикусил губу во сне. Либо... Либо это сделала Курочкина. Но тогда это был никакой не сон. Как же не сон, если он проснулся. «Спокойно, парень, – сказал себе Генка. – Надо разобраться».

И Самокатов принялся в очередной раз разбираться.

Значит, так. Утром он пошел в школу. Из школы они с Максом поехали на Фарфоровскую. С Фарфоровской – отправились на собачье кладбище. Оттуда Генка начал слежку за типом в черном, и тот привел его в квартиру Красавцевой. Затем пришел Горох, придумал фишку с минированием дома и звякнул в полицию. Потом они хотели лезть в квартиру, но Макс наткнулся на полицейского, и в квартиру полез один Генка... Ну и с какого момента начинается сон?.. Вот как узнать?

Самокатов осенило: да у дяди Феди спросить!

Генка помчался на улицу. Дворник подметал двор.

– Здравсьте, дядь Федь, – поздоровался Самокатов.

– Да уж здоровкались сегодня, – по своему обыкновению проворчал дядя Федя.

«Ага-а, – понял Генка, – значит, разговор с дворником – не сон. Идем дальше...»

– Дядя Федь, а вы не знаете, кто в сто тринадцатой квартире живет?

– Так ты ж, паря, меня об этом уже спрашивал.

– Когда?

– Да минут двадцать назад.

– Ой, а я и забыл... Ну ладно, дядь Федь, не буду вам мешать.

Самокатов вернулся к себе. «Двадцать минут... двадцать минут...» – стучало у него в голове. Выходит, после разговора с дворником он пришел домой, бухнулся в кресло и незаметно для себя уснул. И все, что было потом – приход Макса, звонок в полицию и так далее, вплоть до того момента, когда Нестерова вынула из Генкиной груди сердце, – был сон...

Или не сон?.. Самокатов осторожно потрогал кончиком языка укушенную губу. Вот блин! Все так запуталось-перепуталось, ни фиги непонятно – где сон?.. где не сон?..

Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля... – заиграл мобильник.

– Аллю, – ответил Генка.

– Я-а тебя-а убью-у... – раздался в трубке замогильный голос.

Самокатов ни капельки не испугался.

– Эй, Горох... – сказал он.

– Я-а не-е Горо-о-х, – продолжал дурачиться Макс. – Я-а Ку-у-рочкина.

– Кончай прикалываться. Ты откуда звонишь? С Фарфоровской?

– Нет, из дома, – уже своим обычным голосом ответил Горохов. – Только что пригнал с Фарфоровской.

– А теперь гони ко мне. Я тебе кое-что расскажу.

– Про типа в черном?

– Про все. Тут такая шизуха!

– Шизуха?

– Ага. Полная.

Через пять минут (ребята жили рядом) Макс был у Генки.

– Что это у тебя, Самокат, с губой? – сразу заметил Горохов.

– Курочкина укусила.

– Чего?! – вытаращился Макс.

– Того...

И Генка рассказал все с самого начала и до самого конца.

– Вот так фишечка! – присвистнул Горохов. – Значит, я тебе во сне говорил, что тип в черном каждый день на кладбище таскается?

– Ага... А что?

– А то, что так оно и есть: тип приходит на кладбище каждый день. А то и два раза в день.

– Да уж, – со вздохом сказал Самокатов. – Сплошной неврубон.

– Зато интересно! – с жаром воскликнул Макс.

– Кому интересно, а кому и не очень. Как вспомню свое сердце на ладонях у Курочкиной... Бр-р-р... – Генку пере-дернуло.

– Кстати, я тебе дельную мысль во сне подкинул, – сказал Горохов.

– Когда придумал в полицию звяк-нуть?

– Нет, когда говорил, что твоим сознанием из соседней квартиры управляют.

– А-а, психотронное оружие...

– Ну может, и не психотронное. Но какая-то фигня там определенно имеется.

– Какая фигня?

– С помощью которой тобой манипулируют.

– Кто манипулирует?

– Этот тип в черном.

– А зачем? – не понимал Генка.

– Фиг его знает... Слушай, а у тебя в самом деле есть ключ от той квартиры?

– Да, есть.

– Так давай залезем. Может, чего-нибудь и нароем.

– Давай. А когда?

– Завтра. Как только тип на Фарфоровскую умотает.

– А если он неожиданно вернется? – выдвинул Самокатов

тот же довод, что выдвигал и Горохов в его сне.

– Я за ним пойду, а ты в квартире пошуруешь. А если он повернет, я тебе звяк-ну. Годится?

– Годится! – кивнул Генка. – Только давай я за ним пойду. А ты в квартире пошуруешь. Что-то мне в лом опять туда лезть.

– Так это ж во сне было.

– Ну и что.

– Ладно, – согласился Горохов, – я полезу. А ты сядешь ему на хвост.

Глава VIII. Первая учительница

И вот на следующий день Самокатов снова «сел на хвост» типу в черном. А тот, в свою очередь, сел в электричку. И поехал... Генка вернулся домой и условным стуком постучал в квартиру напротив.

Горохов открыл.

– Заваливай.

Самокатов завалил.

– Ну что, уехал?

– Ага.

Мальчишки прошли в комнату. Здесь все было точь-в-точь, как в Генкином сне. Только без гроба на полу.

– Вот тут он стоял, – указал Генка ногой.

– Кто? – не понял Макс.

– Гроб с Курочкиной... А вон там стояли Купоросов с Нестеровой, – показал он уже рукой.

– А я здесь уже все перерыл, – сообщил Горохов. – И смотри, что нашел... – Макс протянул Генке ученическую тетрадь.

Генка ее полистал.

Все страницы заполняли стихотворные строчки. Это была поэма под названием «На смерть любимой Риты».

– Прикольно, – сказал Самокатов, пробежав поэму глазами. – Как будто он не про собаку пишет, а про свою невесту.

– Да, типа того. А смотри, что я еще нашел... – Макс протянул Генке фотографию.

На фото был мужчина в черном. Точнее, на снимке он был в белом. Рядом с ним стояла пожилая женщина.

– Это ж Марья Сергевна! – воскликнул Самокатов.

– Ага.

И действительно, с фото на ребят глядела их первая учительница – Мария Сергеевна Афонькина. Она учила их в начальных классах.

– Гляди, как они похожи, – сказал Макс.

– Да, да, – поддакнул Генка.

Мальчишки переглянулись. До этой минуты мужчина в черном представлялся им загадочным и странным. И вдруг предстал совершенно в ином свете. А именно – сыном их первой учительницы.

– Слушай, Самокат, а что если мы не туда заехали? И тобой никто не манипулирует.

– Это была твоя версия, – напомнил Самокатов.

– Да, моя, – запальчиво ответил Горохов. – Потому что ты стал вопить: «Я не врубаюсь – сны это или не сны!»

– Так я и до сих пор не врубаюсь...

Но в душе у Генки уже начали зарождаться сомнения. У него же сейчас переходной возраст, во время которого – он читал в инете – всевозможные закидоны бывают. Может, тогда и эти сны тоже закидоны?.. А царапины, шишка и укус?.. Но ведь он действительно мог сам себя незаметно оцарапать,

ударить и укусить.

«В общем...» – подумал Самокатов. И не успел додумать, потому что увидел... фонарик.

И все Генкины доводы рассыпались, как карточный домик.

– Горох, это мой фонарь. Я его здесь оставил. Во сне...

– С чего ты взял, что он твой?

– Видишь, изолентой замотано, – показал Самокатов. – Это я замотал.

Горохов попытался найти логическое объяснение:

– А может, твои родичи сюда приходили?

– Зачем им сюда приходить? – пожал плечами Генка.

– Ну мало ли, – тоже пожал плечами Макс.

– Даже если они и приходили, то не стали бы брать мой фонарик. У них свой имеется.

В Генкиной голове снова роем закружились ставшие уже такими привычными сомнения: значит, это был не сон?.. или сон?.. или не сон?.. или сон?.. или не сон?..

– Вот блин горелый! – угрюмо буркнул Самокатов.

– Да все зашибись! – бодро сказал Горохов. – У нас же теперь зацепка имеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.